

Краем глаза Сяо Чжоухэн заметил, что Ли Чжуннань необычно пристально смотрит на Мяомяо. Его взгляд был не восхищённым, не похотливым, но скорее обеспокоенным.

— На что ты смотришь?

Ли Чжуннань отвел взгляд и, скрываясь за столом, взял руку Сяо Чжоухэна, тихо сказав:

— Мне кажется, с ней что-то не так.

— Что именно?

— Вот здесь.

Ли Чжуннань указал на свою щеку.

— Ты не замечал, что у неё там тёмное пятно?

— Зачем ты так пристально на неё смотришь?

Сяо Чжоухэн слегка нахмурился, считая, что Ли Чжуннань ведёт себя слишком бестактно.

— Женщины красятся для тех, кто их ценит. Возможно, она просто скрывает родимое пятно.

— Су Тин.

Ли Чжуннань крепче сжал его руку, серьёзно глядя на него.

— Перед другими я сначала врач, а потом мужчина. У меня нет никаких нечистых мыслей о ком-либо, кроме тебя, и я не позволю себе опозорить тебя.

Не дав Сяо Чжоухэну ответить, он продолжил:

— Это не родимое пятно, а признак слабости желудка.

— Слабость желудка может так проявляться?

— Не сразу, но когда желудок ослабевает, это влияет на все органы.

Ли Чжуннань бросил взгляд на колокольчики.

— Она очень слаба, и это уже сказывается на её походке. Такие вещи, как тугой пояс, вредны для здоровья.

Сяо Чжоухэн вздохнул, слегка сжав руку Ли Чжуннаня. Видимо, у князя Му были свои причуды, и Мяомяо изо всех сил старалась выглядеть изящной. Сяо Чжоухэн чувствовал несправедливость мира, где к женщинам предъявляют слишком много требований, что порождает ещё больше извращённых крайностей — как, например, в случае с Ли Чжююэ...

Тем временем Тань Чжао продолжал насмехаться, сыпля оскорблениями без остановки. Видя, что Чжу Лию молчит, он встал, взял бокал и подошёл к нему, насмешливо произнеся:

— Какие крепкие кости, я восхищаюсь тобой. Выпьем за это.

Чжу Лию медленно поднял голову, его глаза были пустыми. Он встал, взял свой бокал и уже хотел что-то сказать, но Ли Юньси встал между ними.

— Он не может пить.

Ли Юньси поднял руку, чтобы остановить Тань Чжао, и в его глазах появилась решимость.

— Я выпью с вами, князь.

Тань Чжао нахмурился, не ожидая такого, и раздражённо произнёс:

— Ли Пэйчжи, ты что, забыл, кто ты такой?

Ли Юньси оставался спокойным, его глаза холодными, но в них читалась твёрдость:

— Я простой человек и не забываю своего места. Но Чжу — второй хозяин...

— Сегодня он выпьет, хочет он этого или нет. Если не выпьет, я обвиню его...

Тань Чжао резко поднял руку, и его шёлковый рукав ударил Ли Юньси по лицу, оставив красный след. Но Ли Юньси не сдвинулся с места и не опустил руку.

Хань Теи, увидев это, ударил по столу, готовый встать, но в этот момент раздался громкий грохот, заставивший всех вздрогнуть. Окна затрещали, и пол слегка затрясся.

Никто не мог понять, что это было, но звук был оглушительным, хотя и не похожим на гром.

За окном небо покрылось тучами, и луна скрылась за ними. Чжу Лию, нахмурившись, обошел их и вышел:

— Прошу прощения, мне нужно проверить.

Тань Чжао, видя, что Чжу Лию ушёл, выглядел ещё более раздражённым. Рука с бокалом всё ещё была остановлена Ли Юньси, и он, зло ухмыльнувшись, выплеснул вино ему в лицо.

Вино стекало по щеке Ли Юньси, пропитывая его одежду. Оно попало в глаза, и они сразу покраснели. Хань Теи не смог сдержаться, чувствуя, что этот поступок Тань Чжао был для него ядом, разрушающим его изнутри. В ярости он сжал бокал так сильно, что тот разбился, и его ладонь была порезана, кровь стекала на стол.

Но Хань Теи не чувствовал боли.

— Ой.

Мяомя внезапно вскрикнула, схватившись за живот. Её лицо побелело от боли, волосы растрепались, а пот смыл часть макияжа, сделав тёмное пятно на щеке ещё более заметным.

— Что с тобой?

Тань Чжао, хоть и раздражённый, повернулся к ней.

— Кажется, я что-то съела...

— Тьфу.

Тань Чжао с трудом сдержал гнев и махнул рукой.

— Иди.

Мяомяо, не обращая внимания на приличия, поспешно ушла.

Вскоре после её ухода в зале снова стало тихо, но снаружи снова раздались громкие удары, и в комнату ворвался холодный ветер, задувший свечи. Ли Чжуннань обнял Сяо Чжоухэна, шепнув ему:

— Не бойся.

Сяо Чжоухэн, не успевая смутиться или подумать, как Ли Чжуннань узнал, что он боится темноты, в полумраке увидел, как Ли Юньси дрожа поднялся, его лицо было бледным, а голос прерывался:

— Чжу... всё... кончено...

Когда новости о происшествии дошли до Шэнь Цяньхэ, который был в игорном доме, он понял, что дело Ли Юньдэ стало началом чего-то большего. Возможно, кто-то намеренно или случайно нарушил баланс, сохранявшийся пять лет. Но сейчас важно было разобраться с делом Призрачного Чужака, хотя он пока ничего не обнаружил, играя в карты с Гунлянь Цзэ и Цзян Жухуань в башне Аньхуа.

Но Шэнь Цяньхэ был уверен в себе.

Кроме того, он был убеждён, что между Призрачным Чужаком и резиденцией Ли есть связь.

Эта уверенность основывалась на том, что он знал кое-что о деле Призрачного Чужака двадцатилетней давности, что он узнал, тайком просмотрев документы. Хотя он смог собрать лишь часть информации, этого было достаточно, чтобы заставить его, человека, не верящего в духов, почувствовать страх.

Он не хотел связывать жителей Чжэньцзяна с Призрачным Чужаком, чтобы обезопасить себя. После всех политических интриг он не хотел снова ввязываться в хаос, ему уже не хватало энергии молодости.

А Гунлянь Цзэ он не хотел втягивать в это, потому что вдруг почувствовал к нему привязанность. Его глаза были чистыми и решительными, и он, не зная, что его ждёт, был готов на всё ради Шэнь Цяньхэ.

И эта преданность была слишком большой, чтобы он мог её принять. Поэтому такие чувства, возникающие без причины, не сулили ничего хорошего.

В любом случае, даже если он ничего не обнаружит, его максимум ждало понижение в должности или ссылка, но он останется жив, что, в общем-то, не так уж плохо, утешал себя Шэнь Цяньхэ, держа в руках карты.

Как только произошёл инцидент, он сразу написал два письма: одно императору, сообщив о происшествии в Цзиньлине; другое — министру доходов Гу Циньхуану, чтобы тот проверил башню Аньхуа.

Добро пожаловать новым читателям! Спасибо, что читаете мою историю! (Поклон!)